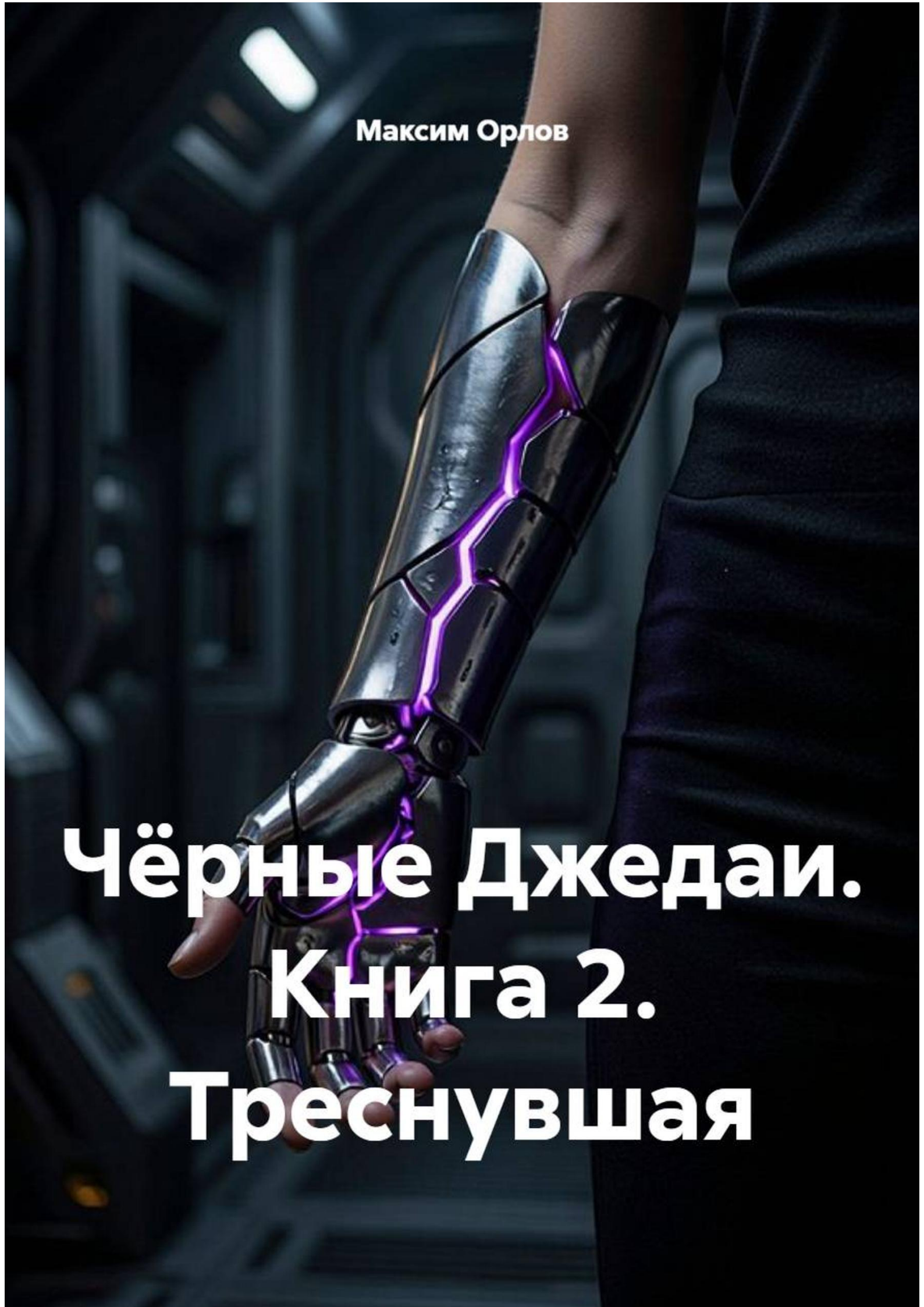

Максим Орлов

**Чёрные Джедаи.
Книга 2.
Треснувшая**

Максим Орлов

**Чёрные Джедаи.
Книга 2. Треснувшая**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Чёрные Джедаи. Книга 2. Треснувшая / М. В. Орлов — «Автор», 2026

«Металл не лжёт. Лжёт тот, кто его носит». Вторая книга цикла о Чёрных Джедаях. Кестрел — «брак» Цеха. Русин, живой металл, вросший в её предплечье, не принял её. Два года боли, презрения, надежды на чудо. Но когда она проходит закалку — обряд, который не куёт, а ломает, — металл отвечает. Трещина в пластине наливается фиолетовым светом, и Кестрел слышит частоту: голос русина, который помнит всех, кто его носил. Теперь она — «треснувшая». И это делает её опасной. Империя хочет получить в её лице ключ к контролю над всеми Чёрными Джедаями. Цех видит в ней инструмент. «Молот» — приманку для Ищеек. За ней идут двое братьев: командор Цеха Кайлен Вэйл, два года назад выбравший пустоту, и командир Ищеек Вэйл Тарн, который всю жизнь завидовал брату. Оба чувствуют её частоту. Оба идут к ней. Но Кестрел — не ключ. Она — мост. И мост не выбирает стороны. Он соединяет.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Максим Орлов

Чёрные Джедаи. Книга 2. Треснувшая

ПРОЛОГ

«Металл не лжёт. Лжёт тот, кто его носит.» — Мастер Веста, Кузня-Глубина, из наставлений Углеродам

Горн дышал — и это не было метафорой.

Каменная чаша, вырубленная в скале на глубине трёх километров, пульсировала тёплым оранжевым светом; по её стенкам стекали струйки расплавленного русина, шипя и застывая на лету. Воздух дрожал от низкого гула — живого, словно сама планета дышала во сне.

Кестрел стояла на краю платформы, и босые ступни чувствовали вибрацию через металл решётки. Здесь ей не полагалось находиться: Углеродов не допускали к Великому Горну до третьего года обучения. Мастер Веста сделала исключение — не из доброты, а из любопытства. Старейшина хотела посмотреть, как поведёт себя «брак» рядом с настоящим огнём.

Русин на предплечье Кестрел — тонкая пластина, вросшая в кожу неровным шрамом, — отзывался на жар Горна тупой болью. Металл просто грелся, как обычная жестянка, и это было хуже всего. Кестрел знала, каково это — слышать гул. Два года назад, в первую ковку, она на секунду ощутила его: тёплый поток прошёл через нервы, как кровь, и наполнил каждую клетку смыслом. Потом иглы вошли слишком глубоко, что-то оборвалось — и гул стих.

Мастер Веста стояла у горна. Её лицо, изрезанное морщинами, напоминало кору старого дерева, а глаза были цвета расплавленного металла — жёлто-оранжевые, без зрачков. В руках она держала молот, продолжение себя: рукоять из чёрного дерева, головка из чистого русина, покрытая сетью микротрещин.

— Подойди, — сказала Веста.

Кестрел шагнула вперёд. Жар ударил в лицо, как стена; она зажмурилась, но не отступила.

— Протяни руку.

Пластина на предплечье тускло блеснула в свете горна. Веста коснулась её кончиками пальцев, и под кожей что-то шевельнулось — микроиглы, которые так и не срослись с нервами, отозвались на прикосновение Мастера.

— Больно? — спросила Веста.

— Нет.

— Лжёшь.

Кестрел промолчала.

— Ты не брак, — сказала Веста, и голос её прозвучал ровно, как поверхность наковальни. — Ты незавершённое изделие. Русин не принял тебя, потому что ты сопротивлялась. Ты боялась.

— Я не боялась.

— Боялась. — Веста убрала руку. — И сейчас боишься. Себя. Ты чувствуешь слишком много, и металл это знает. Он не терпит хаоса. Пустоту принимает, но только выбранную. А в тебе — хаос.

Кестрел опустила глаза. В груди что-то сжалось — старое, знакомое чувство, которое она пыталась подавить два года: гнев, обида, страх. Всё то, что Чёрные Джедаи называли «деформацией».

— Что мне делать? — спросила она.

Веста отвернулась и подошла к горну. Зачерпнула ковшом расплавленный русин — тягучую, светящуюся массу, которая шипела и плевалась искрами, — и медленно, с усилием, вылила её в форму: грубую, каменную, покрытую трещинами.

— Смотри, — сказала она.

Металл в форме начал остывать. Сначала он светился белым, потом жёлтым, потом оранжевым, потом красным; с каждым переходом поверхность шла рябью, как вода, и в этой ряби Кестрел увидела отражение. Не своё лицо — чужое. Молодой мужчина с серыми глазами и седой прядью у виска смотрел на неё из остывающего русина, и в его взгляде не было ни осуждения, ни жалости. Только усталое узнавание.

— Кто это? — прошептала Кестрел.

— Кайлен Вэйл, — сказала Веста. — Командор Цеха. Два года назад он стоял там, где стоишь ты. Тоже боялся, тоже думал, что металл его не примет. Но металл принял, потому что Кайлен выбрал пустоту. А ты выбираешь хаос.

— Я не могу выбрать пустоту, — сказала Кестрел, и голос её дрогнул. — Я не могу перестать чувствовать.

Веста подняла молот — тяжёлый, литой, с рукоятью, обмотанной кожей, — и держала его легко, как перо.

— Никто не может, — сказала она. — Даже Кайлен. Он просто научился прятать чувства так глубоко, что металл перестал их замечать. Но они никуда не ушли. Они ждут. Когда броня снимается, они возвращаются. Все сразу.

Она ударила молотом по остывающему слитку. Раздался звон — протяжный, как стон. Металл треснул, и из трещины вырвался луч фиолетового света: тот самый резонанс, который Кестрел так и не смогла почувствовать.

— Ты можешь уйти, — сказала Веста. — Найти тех, кто снимет броню. Это будет больно. Ты можешь умереть. Или можешь остаться и научиться жить с тем, что есть.

Кестрел смотрела на трещину в металле, на фиолетовый свет, который медленно гас. Она думала о «Молоте» — о тех, кто не боялся чувствовать. Об Ищейках, которые охотились на таких, как она. О Кайлене Вэйле, который выбрал пустоту и всё равно не смог убежать от прошлого.

— Я останусь, — сказала она.

Веста кивнула, взяла молот и ударила снова, ничего не сказав. Металл поддался, принимая форму. Из бесформенного слитка рождалось лезвие — короткое, тяжёлое, с рваными краями. Не меч джедая и не клинок ситха. Инструмент.

— Тогда слушай, — сказала Веста, и её голос заполнил пещеру, как гул горна. — Первый закон. Русин не прощает пустоты. Второй закон. Эмоция — это деформация. Третий закон. Броня — это клетка, которую ты строишь для себя сама.

Она ударила в четвёртый раз.

— Четвёртый закон. Тот, кто выбирает кровь, ломает изделие. Тот, кто выбирает металл, ломает себя. Выбора нет. Есть только цена. И цена всегда — ты сама.

Кестрел смотрела на лезвие. Оно было уродливым — неровным, с зазубринами, с трещиной у основания, — но оно было её. Она протянула руку и коснулась металла. Он был тёплым, как человеческая кожа.

В этот момент она услышала зов: тихую, почти неслышную частоту. Не ту, что шла от Горна. Другую. Свою.

Она не знала, что это значит. Но впервые за два года ей показалось, что она не брак, не ошибка и не незавершённое изделие, а что-то другое. Что-то, чему ещё нет названия.

Мастер Веста опустила молот и посмотрела на Кестрел долгим взглядом — жёлто-оранжевые глаза без зрачков, лицо-кора, руки, покрытые ожогами.

— Добро пожаловать в Цех, — сказала она. — Теперь ты — Углерод. И ты будешь работать.

Кестрел кивнула. Она не спросила, что будет дальше. Она знала: дальше будет боль, работа и, может быть, когда-нибудь — ответ.

Горн дышал. Металл остывал. Где-то наверху, на поверхности Руси, шёл кислотный дождь, разъедая незащищённую сталь. А здесь, в глубине, родился новый Чёрный Джедай.

Или что-то иное.

ГЛАВА 1

«Углерод — не тот, кто ещё не стал. Углерод — тот, кто ещё не сломался.» — Мастер Веста, из наставлений первого года

Кестрел проснулась от боли. Не той, что вчера, — тупой, ноющей, привычной, как старый шрам, — а другой: микроиглы на предплечье жгли, будто под кожей развели костёр. Она стиснула зубы, чтобы не застонать, и медленно села на топчане. Одеяло, грубое, из переработанного волокна, пахнувшее дымом и металлом, сползло на пол.

Барак Углеродов стоял в одном из верхних ярусов Кузни-Глубины. Здесь было теплее, чем внизу, у Горна, но воздух оставался тяжёлым: кремниевая пыль, запах перегретой изоляции, сладковатый дух остывающего русина. Сквозь щели в стенах, грубых, из необработанного камня, сочился тусклый свет — оранжевый от доменных печей, голубоватый от плазменных резаков. Смена началась два часа назад, и где-то внизу, в главном цеху, ритмично ухал пресс.

Кестрел посмотрела на предплечье. Пластина русина, тонкая и неровная, вросшая в кожу как чужая кость, тускло блестела в полумраке. Края покраснели, кожа вокруг вздулась и покрылась сетью мелких трещин, из которых сочилась сукровица. Это плохо. Мастер Веста говорила: если кожа краснеет, значит, микроиглы отторгаются, значит, тело сопротивляется металлу — значит, она всё ещё «незавершённое изделие».

Кестрел встала, пошатнулась, натянула рабочую рубашу — грубую, серую, с пятнами машинного масла — и вышла из барака.

Коридор встретил её гулом. Здесь, на глубине трёх километров, Кузня дышала ровно и мощно, как огромный зверь, который никогда не спит. Стены — переплетения труб, кабелей и вентиляционных шахт — пульсировали теплом. Мимо прошли двое Подмастерьев в полной броне, их русин тускло светился багровым. На Кестрел они не посмотрели: для них она была пустым местом, Углеродом без резонанса, браком, ошибкой.

Она привыкла.

В главном цеху стоял шум. Молоты били по наковальням, плазменные резаки шипели, высекая снопы искр, где-то в глубине гудел Великий Горн — не тот, что вчера, а другой, поменьше, но всё равно живой, тёплый, дышащий. Кестрел пробралась между верстаками, стараясь не попадаться под ноги. Углероды не должны мешать работе. Углероды должны учиться, смотреть, запоминать.

— Кестрел.

Голос был ровный, низкий, с характерной хрипотцой — как будто говоривший долго молчал, а потом решил нарушить тишину. Она обернулась.

Мастер Веста стояла у своей наковальни. Сегодня на ней был фартук из кожи ранкора — грубый, обожжённый, с бесчисленными следами окарины. В руках — молот, на поясе — клещи, зубила, напильники. Лицо, как всегда, неподвижное: морщины-борозды, глаза цвета расплавленного металла без зрачков.

— Подойди.

Кестрел подошла, стараясь не хромать, хотя нога болела.

— Руку.

Она протянула левое предплечье. Веста отложила молот, взяла её руку своими — сухими, горячими, покрытыми ожогами — и повернула к свету. Долго смотрела на покрасневшую кожу вокруг пластины. Молчала.

— Плохо, — сказала она наконец.

— Я знаю.

— Знаешь, но не делаешь.

Веста отпустила руку и отвернулась к горну. Зачерпнула ковшом расплавленный русин — тягучую, светящуюся массу — и вылила в форму. Металл зашипел, забулькал, начал остывать.

— Ты спишь? — спросила Веста, не оборачиваясь.

— Да.

— Сколько?

Кестрел молчала. Она спала три часа, может, четыре: ночью боль не давала сомкнуть глаз, и она лежала, слушая, как гудит Кузня, и думала о том, что если бы не сопротивлялась при ковке, если бы позволила металлу войти глубже, то сейчас, возможно, чувствовала бы не боль, а отклик — тот самый тёплый поток, который она ощутила на секунду два года назад и который с тех пор стал для неё мечтой.

— Три часа, — сказала она.

Веста кивнула, приняв это к сведению.

— Русин не терпит хаоса, — сказала она, глядя на остывающий металл. — Пустоту принимает, но только выбранную. В тебе — хаос. Ты боишься, злишься, жалеешь себя. Металл это чувствует. Он не может врасти глубже, потому что ты не даёшь ему места.

— Я пыталась, — сказала Кестрел, и голос её дрогнул. — Я пыталась стать пустой.

— Ты пыталась спрятать чувства. Это не одно и то же.

Веста подняла молот и ударила по слитку. Звон — протяжный, низкий. Металл треснул, и из трещины вырвался фиолетовый свет, который погас через секунду.

— Что мне делать? — спросила Кестрел.

— Работать, — сказала Веста. — Не думать о том, чего нет. Делать то, что можешь. Сегодня ты пойдёшь в четвёртый цех. Будешь чистить формовочные каналы. Это грязно и скучно, но это работа. А работа — единственное, что имеет значение.

Кестрел кивнула. Она не спросила, почему Веста возится с ней — с браком, с ошибкой, с Углеродом, который не чувствует металл. Она знала: Веста не из доброты. Веста из любопытства. Старейшина хотела посмотреть, что получится, если дать хаосу шанс.

Четвёртый цех находился на самом нижнем ярусе, у подножия Великого Горна. Здесь пахло серой и гарью, а воздух был таким горячим, что Кестрел казалось, будто она дышит через раскалённую ткань. Формовочные каналы — длинные желоба, по которым стекал расплавленный русин, — покрылись коркой остывшего металла и шлака. Их нужно было чистить вручную: скребками, щётками, зубилами.

Работа была монотонной. Кестрел встала на колени у первого канала и начала скрести. Металл поддавался с трудом — русин, даже остывший, оставался вязким, как смола. Скребок скользил, руки быстро покрылись порезами, но она не останавливалась. Боль в предплечье отступила на второй план. Осталась только работа.

Рядом работали другие Углероды. Молодые, младше неё, они уже носили пластины русина на груди, на плечах, на бёдрах. Их металл тускло светился, и Кестрел слышала, как они переговариваются — не словами, а короткими, гортанными звуками, которые были частью отклика. Они чувствовали друг друга. Они были Цехом.

Кестрел была чужой.

— Эй, брак.

Она не обернулась. Продолжала скрести.

— Я с тобой говорю.

Тень упала на канал. Кестрел подняла голову. Перед ней стоял Углерод — парень лет восемнадцати, с широкими плечами и грубым лицом. На его груди красовалась массивная пластина русина, покрытая узором, который пульсировал в такт с его дыханием. За его спиной стояли ещё двое — такие же молодые, такие же уверенные.

— Чего тебе? — спросила Кестрел.

— Ты чистишь неправильно, — сказал парень. — Скребок надо держать под углом. Иначе оставляешь шлак.

— Я знаю.

— Тогда почему делаешь не так?

Кестрел посмотрела на него. В его глазах было не презрение, а что-то другое — злость. Как будто она, своим существованием, своим браком, своим присутствием оскорбляла его. Как будто он боялся, что если Цех примет её, то перестанет быть особенным.

— Я делаю так, как меня учили, — сказала она.

— Тебя никто не учил, — сказал парень. — Тебя пожалели. Мастер Веста пожалела. Но Цех не жалеет. Цех работает.

Он шагнул вперёд и навис над ней. Кестрел не отступила. Она смотрела ему в глаза — серые, как камень, — и чувствовала, как в груди поднимается что-то горячее, тёмное. Гнев. Тот самый, который Веста называла хаосом.

— Уйди, — сказала она тихо.

— Или что?

Он усмехнулся. За его спиной засмеялись остальные.

Кестрел сжала скребок. Русин на её предплечье дёрнулся, микроиглы впились глубже, отозвались болью. Она хотела ударить. Хотела почувствовать, как скребок входит в чужую плоть, как хрустит кость, как кровь заливает горячий камень. Она хотела, чтобы кто-то другой почувствовал ту боль, которую она носила два года.

В эту секунду она услышала голос.

Не слова. Частоту. Тихую, низкую, как гул далёкого горна. Она шла не извне, а изнутри — от пластины на её предплечье. Русин дрожал, вибрировал, отвечал на что-то, чего Кестрел не понимала. И в этом дрожании было предупреждение.

Не сейчас.

Кестрел медленно выдохнула. Разжала скребок. Опустила глаза.

— Ты прав, — сказала она. — Я чищу неправильно. Покажи, как надо.

Парень замер. Он не ожидал такого ответа. Он хотел драки, хотел доказать, что он сильнее, что он настоящий Углерод, а она — брак. Но она не дала ему этого. Она просто согласилась.

Он постоял ещё секунду, потом сплюнул на пол и пошёл прочь. Остальные — за ним. Кестрел осталась одна. Она смотрела на свои руки, покрытые порезами и шлаком, и чувствовала, как гнев медленно уходит, оставляя после себя пустоту.

В этой пустоте она снова слышала частоту. Тихую. Тёплую. Свою.

Вечером, когда смена закончилась, Кестрел вернулась в барак. Она не стала ужинать — есть не хотелось. Просто легла на топчан, укрылась одеялом и закрыла глаза. Боль в предплечье стала глуше, но не ушла. Она никогда не уходила.

В дверь постучали.

Кестрел открыла глаза. Углероды не стучали. Они входили без стука — у них не было личного пространства, не было тайн. Стук означал одно: пришёл кто-то извне.

Она встала, подошла к двери, открыла.

На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в рабочем комбинезоне, перепачканном машинным маслом. Лицо грубое, обветренное, с щетиной. На поясе — тяжёлый резак. На плече — русин, но не такой, как у Углеродов: старый, потёртый, с сетью глубоких царапин. Он смотрел на Кестрел долгим, внимательным взглядом.

— Ты Кестрел? — спросил он.

— Да.

— Меня зовут Дарс. Я из «Молота».

Кестрел замерла.

«Молот» — радикальное крыло Цеха. Те, кто не признавал нейтралитет. Те, кто охотился на Ищеек, взрывал имперские заводы, убивал инквизиторов. Мастера Руси официально осуждали их. Но тайно снабжали слитками.

— Что тебе нужно? — спросила Кестрел.

— Ты чувствуешь боль, — сказал Дарс. — Каждый день. Каждую ночь. Металл не принял тебя, и ты знаешь, что это не изменится. Цех не лечит таких, как ты. Цех использует.

— Я не хочу быть использованной.

— Тогда присоединяйся. Мы не используем. Мы даём цель.

Кестрел молчала. Она смотрела на его русин — старый, потёртый, но живой, тёплый, настоящий. Она чувствовала его частоту — низкую, уверенную, сильную. И где-то глубоко внутри, в той самой пустоте, которую она носила два года, что-то шевельнулось.

— Я подумаю, — сказала она.

Дарс кивнул. Он не настаивал, не уговаривал. Просто повернулся и пошёл прочь. У двери остановился, обернулся.

— Не думай долго, — сказал он. — Ищейки уже в системе. Они ищут Командора Вэйла, но найдут всех. Если ты останешься здесь, ты умрёшь. Не от Ищеек. От себя.

Он ушёл.

Кестрел закрыла дверь. Прислонилась к стене, сползла на пол. Русин на её предплечье дрожал — не от боли, а от чего-то другого. От страха. От надежды. От того, что она не могла назвать.

Она закрыла глаза и впервые за долгое время позволила себе не думать о работе. Она думала о Дарсе. О «Молоте». Об Ищейках. О Командоре Вэйле — человеке, чьё лицо она видела в остывающем металле. Человеке, который выбрал пустоту и всё равно не смог убежать от прошлого.

Она думала о выборе, который ещё не сделала.

И о том, что цена этого выбора — она сама.

На следующее утро Кестрел не пошла в четвёртый цех — да и ни в какой другой. Она просто встала, натянула рубаху, вышла из барака и пошла вниз: не к Горну и не к наковальне, а к лифту, где вчера стоял Дарс. Она не знала, ждёт ли он её, не знала, правильно ли поступает. Знала только одно: оставаться здесь — значит медленно умирать. А умирать сейчас, вот так, в этой глуши, ей не хотелось.

ГЛАВА 2

«Закалка — не ковка. Ковка даёт форму. Закалка даёт излом. А излом — это место, куда входит свет.» — Дарс, из наставлений «Молота»

Дарс ждал её у выхода из Кузни-Глубины.

Кестрел не сказала ему ни «да», ни «нет» — она просто пришла, потому что не могла не прийти. Ноги сами несли её через ярусы, мимо гула прессов, мимо Углеродов, которые смотрели ей вслед, и мимо Мастеров, которые не смотрели вообще. Русин на её предплечье дрожал не от боли, а от чего-то другого: от страха и предвкушения сразу.

Дарс стоял у грузового лифта. В руке — фонарь, на поясе — резак. Он не улыбнулся и не сказал «молодец», только кивнул и шагнул в лифт.

— Куда мы? — спросила Кестрел.

— Вниз, — сказал он. — Туда, где Горн ещё дышит.

Лифт шёл долго. Стены — грубый камень, покрытый копотью, — давили; воздух становился горячее, пот стекал по спине, рубаха прилипала к коже. Русин на предплечье начал светиться — тускло, багрово, как уголёк.

— Больно? — спросил Дарс.

— Нет.

— Лжёшь.

Кестрел промолчала.

Лифт остановился, двери открылись, и они вышли в тоннель — узкий, низкий, с капающей с потолка водой. Пахло серой, железом и чем-то ещё, сладковатым, почти тошнотворным. Кровью.

— Что это за место? — спросила Кестрел.

— Закалочный цех, — сказал Дарс. — Здесь «Молот» проводит обряды. Здесь мы не куём — мы ломаем.

Он пошёл вперёд, Кестрел — за ним.

Тоннель вывел их в пещеру. Не такую огромную, как главный цех, но всё равно впечатляющую: свод терялся в темноте, стены — грубый камень, в центре — наковальня, старая, покрытая вмятинами и трещинами. Рядом — горн, маленький, но живой: в нём тлели угли, от них шёл ровный, тёплый свет.

Вокруг наковальни стояли пятеро. Все — в броне, но не такой, как у Цеха: их русин был темнее, грубее, с глубокими царапинами, и не светился, а горел тускло, изнутри, как остывающие слитки.

— Это Кестрел, — сказал Дарс. — Она хочет пройти закалку.

Никто не ответил. Пятеро смотрели на неё молча. Один — высокий, с обожжённым лицом — шагнул вперёд.

— Ты знаешь, что это? — спросил он. Голос — хриплый, как скрежет металла.

— Нет, — сказала Кестрел.

— Это не ковка. Ковка даёт форму, закалка даёт трещину. Мы не делаем тебя сильнее — мы делаем тебя сломанной, с изломом, чтобы свет вошёл.

— Какой свет?

— Твой.

Он поднял руку. В ней был молот — тяжёлый, литой, с рукоятью из чёрного дерева. Он протянул его Кестрел.

— Возьми.

Она взяла. Молот оказался тяжелее, чем казался. Русин на её предплечье дрогнул, микроиглы впились глубже, отозвались болью.

— Встань на колени, — сказал обожжённый.

Кестрел опустилась на колени. Камень был горячим, почти обжигал. Она чувствовала, как пот стекает по лицу, как рубаха липнет к спине, как русин на предплечье пульсирует — быстрее, чаще, как второе сердце.

Обожжённый подошёл, взял её левую руку и положил на наковальню ладонью вверх. Пластина русина оказалась прямо над вмятинами, над трещинами, над старой кровью, которая вьелась в металл.

— Сними рубаху, — сказал он.

Кестрел замерла. Пятеро смотрели на неё молча, без эмоций. Дарс — тоже. Она медленно, с усилием, стянула рубаху через голову. Обнажённые плечи, спина, грудь — всё покрылось мурашками от жара горна и от холода камня. Она осталась в одной нательной повязке — грубой, серой, пропитанной потом.

— Всё, — сказал обожжённый.

Она развязала повязку, и ткань упала на пол. Она осталась обнажённой — перед пятерыми, перед Дарсом, перед горном. Русин на предплечье светился багровым, и от этого света её кожа казалась чужой, металлической.

— Первый удар, — сказал обожжённый. — За страх.

Он поднял молот. Кестрел зажмурилась. Удар.

Боль — острая, как лезвие. Молот ударил по пластине русина, и металл отозвался не звоном, а криком. Микроиглы впились в нервы, прошли сквозь мышцы, коснулись кости. Кестрел хотела закричать, но не смогла: горло сжалось. Из глаз потекли слёзы — не от боли, а от чего-то другого. От страха, который она прятала два года. От гнева, который подавляла. От жалости к себе, которую ненавидела.

Кровь выступила на коже мелкими каплями, как роса. Они стекали по предплечью, капали на наковальню, шипели на горячем металле.

— Второй удар, — сказал обожжённый. — За гнев.

Молот поднялся. Опустился.

Боль стала горячей. Русин на предплечье начал светиться ярче, сильнее. Он не гудел — он кричал. Кричал её голосом, её болью, её хаосом. Кестрел чувствовала, как металл дрожит, как микроиглы рвут ткани, как кровь сочится из-под пластины — уже не каплями, а струйками. Она хотела отнять руку, но не могла: тело не слушалось.

Кожа вокруг пластины лопнула. Тонкая, как папиросная бумага, она разошлась, обнажая мышцы — красные, влажные, живые. Русин врос в них, как корень дерева в землю. Микроиглы — тысячи тонких, чёрных нитей — пульсировали в такт с её сердцем.

— Третий удар, — сказал обожжённый. — За себя.

Молот поднялся. Кестрел открыла глаза. Она увидела наковальню — старую, покрытую вмятинами. Увидела кровь — свою, которая стекала по металлу, смешиваясь со старой, чужой. Увидела русин — тёмный, потрескавшийся, но живой. И в этом русине она увидела отражение. Не своё лицо — свою частоту. Тихую, слабую, но свою.

Молот опустился.

Удар не был болью. Удар был освобождением. Русин на предплечье вспыхнул ярко, бело, на секунду, — и Кестрел почувствовала, как что-то внутри неё треснуло. Не сломалось — треснуло. Как лёд на реке. Как металл под молотом. Как стена, которую она строила два года.

Она закричала.

Не от боли — от того, что наконец-то почувствовала.

Крик заполнил пещеру. Он отразился от стен, от свода, от наковальни. Он был не звуком, а частотой — её частотой, которую она так долго искала. Русин на предплечье светился фиолетовым — глубоким, ровным, живым. Трещина, которая шла от края пластины к центру, наливалась этим светом, как вена кровью.

Пятеро стояли молча. Дарс смотрел на неё с пониманием. Он знал. Он тоже когда-то стоял на коленях. Тоже чувствовал этот крик.

Обожжённый опустил молот и посмотрел на её руку — на кровь, на трещины в русине, на микроиглы, которые теперь вросли глубже, чем раньше. На обнажённое тело, покрытое потом, кровью, шлаком. На лицо, мокрое от слёз.

— Ты принята, — сказал он. — Теперь ты — «Молот».

Кестрел посмотрела на свою руку. На пластину, которая больше не была чужой. На кровь, которая смешалась с металлом. На трещину, из которой сочился тусклый, фиолетовый свет.

Она не знала, что это значит. Но впервые за два года ей показалось, что она жива.

Дарс помог ей встать. Она пошатнулась, но удержалась. Рука болела — не так, как раньше, а иначе: боль стала глубже, но в ней было что-то ещё. Тепло. Присутствие. Металл.

Он накинул ей на плечи свою куртку — грубую, пахнущую дымом и потом. Она не поблагодарила. Не было сил.

— Идём, — сказал Дарс. — Тебе нужно отдохнуть.

Они вышли из закалочного цеха. Тоннель, лифт, ярусы. Кестрел не помнила дороги. Она смотрела на свою руку. На трещину. На свет.

Когда они поднялись в барак, Дарс остановился у двери.

— Завтра, — сказал он. — Первое задание. Ищейки в системе. Мы должны встретить их.

Кестрел кивнула. Она не спросила, что за задание, не спросила, кого убивать. Она просто закрыла дверь и легла на топчан. Рука пульсировала, металл гудел, частота — её частота — становилась громче.

Она закрыла глаза и в темноте, за закрытыми веками, увидела лицо. Молодой мужчина. Серые глаза. Седая прядь у виска. Кайлен Вэйл.

Он смотрел на неё, и в его взгляде не было ни осуждения, ни жалости.

Только узнавание.

ГЛАВА 3

«Ищейка не чувствует Силу. Ищейка чувствует страх. А страх пахнет одинаково — что у джедая, что у ситха, что у кузнеца.» — Вэйл Тарн, из личного дела

Вэйл Тарн стоял на мостике звёздного разрушителя «Архетип» и смотрел на планету внизу.

Русь — серо-коричневый шар, затянутый пеленой облаков, — висела в вакууме, как забытый между звёздами камень. С орбиты она казалась мёртвой: ни огней городов, ни вспышек атмосферных разрядов, ни следов цивилизации. Только облака, пыль и тьма.

Но Тарн знал: под этой пеленой — Кузни. Города-заводы, уходящие на километры вглубь. Гильдия, которая не подчиняется ни Империи, ни Сенату, ни кому-либо ещё. Металл, который поглощает свет и помнит кровь.

Русин.

Тарн сжал челюсти. Он не чувствовал Силу — никогда не чувствовал. В юности, когда его, брата Кайлена Вэйла, отправили на Русь дляковки, он провалил испытание. Русин не принял его, микроиглы отторглись через неделю. Мастера сказали: «Ты не пустой. Ты полный. Полный злобы, зависти, страха. Металл не терпит такого». Его отправили обратно, а Кайлен остался. Кайлен стал Командором. Кайлен предал семью, Империю, всё.

Тарн не ненавидел брата. Он завидовал. Завидовал так сильно, что это чувство стало частью его — как шрам, как рубец на сердце. И когда Империя предложила ему командование Ищейками, спецподразделением для охоты на Чёрных Джедаев, он согласился без колебаний. Он не хотел убивать Кайлена — он хотел доказать, что человек сильнее металла. Что он, Вэйл Тарн, который не прошёл ковку, который остался «полным», сильнее, чем Кайлен, который стал пустым.

Ему было тридцать пять. Он всё ещё ждал. Всё ещё верил.

Он до сих пор помнил ту ночь. Ему было семнадцать. Мастер Веста — та самая, что сейчас возится с новым браком, — стояла над ним с молотом. Тогда, восемнадцать лет назад, Кайлен ещё был на Руси. Ещё не ушёл. Ещё не стал Командором.

«Первый удар, — сказала она. — За страх». Молот опустился, и боль, острая, как лезвие, прошла через руку, через плечо, через всё тело. Микроиглы вошли в кожу, в мышцы, в нервы. Он закричал — не от боли, от ужаса. Он почувствовал, как что-то чужое проникает в него, как металл ищет место внутри, как русин пытается врасти глубже.

И тогда он сделал то, что делали немногие: он сопротивлялся. Не подавлял страх, а позволил ему выйти. Не прятал злобу, а дал ей волю. Не сдерживал зависть, а выпустил её наружу. Русин почувствовал это, и металл отторгся — микроиглы вышли из кожи, оставив после себя сотни мелких ранок, которые кровоточили три дня. Мастер Веста смотрела на него молча. Потом сказала: «Ты не пустой. Ты полный. Металл не терпит такого. Уходи».

Он ушёл. Вернулся на Корусант, поступил в имперскую академию, дослужился до капитана. Потом пришёл приказ: возглавить Ищейки. Спецподразделение, созданное специально для охоты на тех, кто прошёл ковку. На тех, кто стал Чёрным Джедаем. На тех, кто был как Кайлен.

Тарн не ненавидел Чёрных Джедаев. Он завидовал им. Всем. Каждому. Даже этому новому браку — девушке, которую он ещё не видел, но чью частоту уже чувствовал.

Почти двадцать лет он ждал, что кто-то скажет ему: «Ты не полный. Ты — треснувший». Но никто не говорил.

Она прошла то, что он не смог. Она стала тем, чем он не стал. И это было хуже любой ненависти.

— Сэр, — голос офицера связи прервал его размышления. — Сканеры засекли активность в системе. Малый корабль. Класс — неопознан. Идёт к Руси.

Тарн повернулся. На тактическом дисплее — зелёная точка, медленно ползущая к планете.

— Это он? — спросил Тарн.

— Не похоже. Сигнатура другая. Меньше, быстрее. Возможно — курьер.

Тарн смотрел на точку. Курьер. На Русь. К Гильдии. Это могло быть что угодно: поставка, заказ, связь. Но Тарн знал: Гильдия не принимает чужаков. Если кто-то летит на Русь — значит, у него есть приглашение. А приглашение даёт только Цех.

— Приготовьте перехват, — сказал Тарн. — Мне нужен этот корабль. Живым. И пилотом.

— Сэр, — офицер замешкался. — Мы в нейтральном пространстве. Формально Гильдия не подчиняется Империи. Если мы атакуем...

— Гильдия не подчиняется Империи, — повторил Тарн. — Но и Империя не подчиняется Гильдии. Я командую Ищейками. Я решаю, что формально, а что нет.

Офицер кивнул и передал приказ.

Тарн снова посмотрел на планету. Русь. Мир, который отказал ему. Мир, который принял Кайлена. Мир, который теперь, возможно, скрывает нового Чёрного Джедая — того, кого он ищет.

Он не знал, что в этот самый момент, в глубине Кузни-Глубины, в бараке Углеродов, обнажённая девушка с окровавленным предплечьем лежит на топчане и смотрит в темноту. Не знал, что её русин только что треснул, что её частота только что стала громче, что она только что выбрала сторону. Но он чувствовал. Не Силой — чутьём. Чутьём охотника, который знает: добыча рядом.

— Готовьте abordажную команду, — сказал Тарн. — Мы возьмём курьера. И узнаем, что он везёт.

Той ночью, после того как Мастер Веста сказала ему «уйди», Тарн не ушёл сразу. Он спустился в нижние ярусы Кузни-Глубины — туда, где горели горны, где били молоты, где работа никогда не останавливалась. Он стоял в тени, у стены, и смотрел.

Мимо проходили Подмастерья в полной броне. Их русин светился ровно, тепло, уверенно. Они не смотрели на него. Для них он был пустым местом — отторгнутый, брак, ошибка. Он привык.

Он подошёл к наковальне. Той самой, у которой Веста ковала его. Камень был холодным, металл — тёмным. Он положил руку на наковальню, и на секунду ему показалось, что он чувствует что-то. Не резонанс. Не частоту. Тепло. Обычное человеческое тепло. Но это было не то. Это было его собственное тепло, которое уходило в камень, как вода в песок.

— Ты всё ещё здесь.

Голос был ровный, низкий, с хрипотцой. Веста стояла у входа в цех. Она не подошла, не спросила, почему он не ушёл. Просто смотрела.

— Я хотел понять, — сказал Тарн. — Почему.

— Почему металл не принял тебя?

— Да.

Веста молчала. Потом подошла, встала рядом. Она была ниже его на голову, но казалась выше. Глаза — жёлто-оранжевые, без зрачков — смотрели не на него, а сквозь.

— Металл не принимает тех, кто хочет стать особенным, — сказала она. — Русин принимает тех, кто хочет стать пустым. Ты хотел быть особенным. Ты хотел доказать. Ты хотел, чтобы броня сделала тебя лучше, чем ты есть. Металл это чувствует. Он не терпит гордыни.

— Это не гордыня, — сказал Тарн, и голос его дрогнул. — Это... я хотел быть как Кайлен.

— Кайлен не хотел быть как Кайлен, — сказала Веста. — Кайлен хотел исчезнуть. Металл дал ему это. Ты хотел появиться. Металл не даёт этого.

Она отвернулась и пошла к горну. У двери остановилась.

— Ты можешь вернуться, — сказала она. — Не сейчас. Не с этой злобой. Но когда-нибудь. Когда перестанешь завидовать. Когда поймёшь, что металл — не награда. Металл — это цена.

Она ушла.

Тарн остался стоять у наковальни. Он смотрел на свои руки — пустые, без брони, без русина. И впервые за много лет он позволил себе заплакать. Не от боли, не от злобы, а от того, что понял: он никогда не вернётся. Не потому, что не сможет. Потому, что не захочет.

Он вернулся на Корусант на следующее утро. Когда Империя предложила ему командование Ищейками, он согласился без колебаний.

Кестрел проснулась от того, что рука горела.

Не так, как раньше — тупо, ноюще, привычно. Теперь боль была другой: горячей, пульсирующей, живой. Она посмотрела на предплечье. Пластина русина, ещё вчера тёмная и потрескавшаяся, теперь светилась изнутри — тускло, фиолетово, ровно. Трещина, которая шла от края к центру, наливалась этим светом, как вена кровью. Кожа вокруг пластины затянулась — не до конца, но уже не кровоточила. Микроиглы, которые вчера рвали ткани, теперь сидели глубоко, надёжно, как корни.

Кестрел села на топчане. Тело болело — всё, каждая мышца, каждый нерв. Но эта боль была не наказанием, а платой. Платой за то, что она наконец почувствовала.

Она встала, натянула рубаху — грубую, серую, с пятнами машинного масла. Куртка Дарса, которую он накинул ей вчера, лежала на полу. Она подняла её, повесила на спинку топчана. Потом вышла из барака.

Дарс ждал её в коридоре. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на неё долгим, внимательным взглядом.

— Как рука? — спросил он.

— Болит.

— Это хорошо.

Кестрел кивнула. Она не спросила, почему боль — это хорошо. Она знала. Боль означала, что русин живой. Что он врос. Что он принял её.

— Идём, — сказал Дарс. — Есть работа.

Они шли по ярусам Кузни-Глубины — не вниз, к Горну, а вверх, к поверхности. Кестрел никогда не была на поверхности. Углероды редко поднимались выше третьего яруса. Говорили, что там — кислотный дождь, металлическая пыль, багровая дымка. Говорили, что там — смерть.

Лифт шёл долго. Стены — грубый камень, покрытый копотью, — сменились металлическими панелями, потом бетоном, потом чем-то, что Кестрел не могла узнать. Воздух становился холоднее. Пахло не серой и гарью, а чем-то острым, кислым — как уксус, как ржавчина.

Двери открылись, и Кестрел вышла на поверхность.

Небо было багровым. Не синим, не серым, не чёрным — багровым, как кровь, которая запеклась на ране. Низкие, тяжёлые облака висели над головой, и сквозь них сочился красный свет — не солнца, а карлика, который никогда не двигался с места. Горизонт тонул в дымке. Кислотный дождь — мелкий, колющий, как иглы, — падал на лицо, на руки, на русин. Металл на предплечье зашипел, но не потемнел. Русин не боялся кислоты. Русин боялся только пустоты.

Дарс стоял рядом. На его плече русин — старый, потёртый, с глубокими царапинами — тоже шипел, но не темнел.

— Смотри, — сказал он.

Кестрел посмотрела.

Впереди, в багровой дымке, стоял корабль. Небольшой, потрёпанный, с лоскутной обшивкой и следами сварки на бортах. Возле него ходили люди — не Углероды, не Подмастерья, не Мастера. Другие. В грубых куртках, с оружием на поясе. Они что-то грузили в трюм: ящики, контейнеры, слитки.

— Что это? — спросила Кестрел.

— Курьер, — сказал Дарс. — Привёз заказ из сектора Тартар. И заберёт ответ.

— Какой заказ?

— Информация. Об Ищейках. О том, что они в системе. О том, что они ищут.

Кестрел посмотрела на корабль. На людей. На ящики. Она не понимала, зачем её привели сюда. Она не была курьером, не была пилотом, не была никем.

— Зачем я здесь? — спросила она.

Дарс повернулся. Его лицо — грубое, обветренное, с щетиной — было серьёзным.

— Затем, что курьер должен уйти, — сказал он. — А Ищейки уже в системе. Они перехватят его, если он полетит один.

— И что?

— Ты полетишь с ним.

Кестрел замерла.

— Я не умею пилотировать.

— Не нужно. Ты — прикрытие. Твоя частота. Твой русин. Ищейки не чувствуют Силу, но они чувствуют частоту. Если ты будешь рядом, они пойдут за тобой. А курьер уйдёт.

Кестрел посмотрела на свою руку. На пластину. На трещину, которая светилась фиолетовым.

— Ты хочешь использовать меня как приманку, — сказала она.

— Да, — сказал Дарс, без извинений и оправданий. — Это война. В войне используют всё.

Кестрел молчала. Ветер — холодный, колючий — трепал её волосы, бросал в лицо кислотную пыль. Русин на предплечье пульсировал. Частота — её частота — становилась громче.

— Хорошо, — сказала она. — Я полечу.

Дарс кивнул. Он не улыбнулся, не похвалил. Просто повернулся и пошёл к кораблю. Кестрел — за ним.

Тарн смотрел на экран.

Курьер — маленький, юркий, с лоскутной обшивкой — висел на орбите Руси. Он не двигался, не пытался уйти. Ждал.

— Странно, — сказал офицер связи. — Он нас видит. Но не бежит.

Тарн нахмурился. Курьеры «Молота» — а он был уверен, что это «Молот», — никогда не ждали. Они бежали, прятались, использовали гиперпространство. Этот — ждал.

— Сканеры, — сказал Тарн. — Что на борту?

— Один пилот. И... что-то ещё. Маленькое. Тепловое пятно. Источник — неопознан.

Тарн смотрел на экран. Тепловое пятно. Маленькое. Но горячее. Русин.

— Это не курьер, — сказал он. — Это приманка.

Офицер посмотрел на него.

— Сэр?

— Они знают, что мы здесь. Они знают, что мы ищем. И они дают нам то, что мы ищем.

Тарн сжал кулаки. Он не любил, когда его использовали. Но он также знал: приманка — это возможность. Если на борту курьера новый Чёрный Джедай, тот самый брак, который прошёл закалку, — он возьмёт его. Живым. И докажет, что человек сильнее металла.

— Абордаж, — сказал он. — Я иду с командой.

— Сэр, это небезопасно...

— Я командую Ищейками, — сказал Тарн. — Я решаю, что безопасно, а что нет. Он повернулся и пошёл к выходу с мостика.

Кестрел сидела в кресле второго пилота. Курьер — молодой, с нервными глазами — вёл корабль к точке прыжка. Русин на её предплечье светился ровно, ярко, фиолетово. Частота становилась громче с каждой секундой. Она чувствовала, как металл дрожит, как микроиглы пульсируют, как что-то внутри неё — то самое, что треснуло вчера, — начинает звенеть.

— Они идут, — сказал курьер. — Три истребителя. И абордажный шаттл.

Кестрел кивнула. Она не боялась. Не потому, что была храброй, а потому, что боль в руке была сильнее страха. Боль была якорем. Боль была доказательством, что она жива.

— Прыгай, — сказала она. — Я задержу их.

Курьер посмотрел на неё.

— Как?

Кестрел посмотрела на свою руку. На трещину. На свет.

— Не знаю, — сказала она. — Но я что-нибудь придумаю.

Курьер кивнул. Он не спросил, что она собирается делать. Он просто нажал кнопку, и корабль рванулся вперёд, к точке прыжка.

Кестрел встала. Она подошла к шлюзу. Русин на её предплечье горел — ярко, бело, фиолетово. Частота — её частота — заполняла корабль, заполняла пространство, заполняла всё.

Она открыла шлюз.

Впереди — вакуум. Тьма. Звёзды. И абордажный шаттл, который шёл прямо на неё.

Кестрел шагнула в пустоту.

ГЛАВА 4

«Металл не спрашивает, зачем. Металл спрашивает, сколько ты готов отдать.» — Вэйл Тарн, из допросных записей

Абордажный шаттл шёл сквозь вакуум, и Тарн смотрел на экран.

Курьер — маленький, юркий, с лоскутной обшивкой — висел на орбите Руси. Он не двигался и не пытался уйти. Ждал. Тарн знал: это приманка. Но он также знал: приманка — это возможность.

Он не боялся. Не потому, что был храбрым, — потому, что привык. Четыре года в республиканской академии, двенадцать лет на флоте, два года во главе Ищеек. Он привык к вакууму, к смерти, к тому, что люди умирают, а металл остаётся.

Память вернула его на два года назад. Корусант. Кабинет в здании имперской разведки. Тогда Империя только вставала на ноги, тогда Инквизиториус только набирал силу.

За столом — офицер с холодными глазами и папкой в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.